

НА ПУТИ К ВООБРАЖАЕМОЙ ГЕОГРАФИИ: ДВА ПОВОРОТА, ТРИ ПРОСТРАНСТВА

Иван Митин¹

Abstract

The appearance and institutionalization of the research on interrelations of imagination and space is regarded as the result of 'cultural turn' in geography and 'spatial turn' in the humanities. 'Cultural turn' is understood in the article as a multilayered historic process, including the revolutionary changes in the theory of geography in the 1950s–1980s ('behavioral revolution', 'humanistic revolution') and the establishment of both humanistic and critical geographies. The concept of 'thirdspace' is seen as a sign of the final mix and collaboration of the two large research fields, becoming some new one.

Keywords: cultural turn, spatial turn, humanistic geography, imagination of space, space and place, social space, thirdspace.

Тематика интерпретации пространства и места, всевозможных представлений о территории и (пере)осмысления ландшафта, особенно городского, становится в последние полтора десятилетия актуальной для целого ряда совершенно различных научных дисциплин: от географии до семиотики, от философии до туристских исследований, от экологии культуры до социальной антропологии. Обращение социальных и гуманитарных наук к пространственным аспектам социального действия и идентичности получило наименование «пространственного поворота» (*spatial turn*) и, несомненно, явило собой определённую революцию в соответствующем научном мышлении. Однако этот «поворот» не был единственным на пути к изучению воображения пространства и интерпретации места: в *географической науке* в течение второй половины XX века начался волнообразный процесс внутреннего преобразования, который получил название «культурного поворота» (*cultural turn*).

«Культурный поворот»

О содержании понятия «культурного поворота» сегодня, по прошествии нескольких десятилетий после его начала (а по некоторым мнениям, и после его завершения), не-

¹ Иван Игоревич Митин – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарной географии Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва, Российская Федерация).

мало спорят.² Как справедливо замечает, например, Лоретта Лис, трансформацию общественной географии с 1970-х по 2000-е гг. вполне можно разделить на пять «поворотов», выделив, помимо собственно культурного, ещё и лингвистический («ландшафт как текст»), интерпретативный («иконография ландшафта» и анализ визуальных интерпретаций пространства), постмодернистский (репрезентации и «производство пространства») и психический (моральность/аморальность ландшафта и психоанализ города).³

Если пойти дальше, то, на наш взгляд, истоки того, что можно считать «культурным поворотом», следует искать в развитии географии сразу после Второй мировой войны⁴, то есть с первых попыток поставить под сомнение хорологический подход Р. Хартшорна⁵ и школу культурного ландшафта К. Зауэра⁶. Речь следует вести как минимум о трёх процессах в истории географии:

- общая тенденция смены парадигм в англо-американской географии в 1950–2000-х гг.;
- развитие инновационных тенденций в культурной географии (так называемая «новая культурная география»);
- разносторонние тенденции уже в самой гуманистической географии после 1980-х гг.: её обращение к феноменологии, герменевтике, постмодернизму, взаимодействию и взаимопроникновению с другими ветвями т. н. «критической географии».

Что касается *общей смены парадигм*, то становление гуманистической парадигмы связано с двумя общегеографическими тенденциями. *Первая* – последовательная смена школ: на смену школе пространственного анализа с её моделями географической реальности и развитием достижений количественной революции приходит бихевиористская (поведенческая) география. Однако суть бихевиористской революции в географии *наследует* достижения количественной революции: на начальном этапе поведенческая география предлагает *дополнить модели* факторами чело-

² Barnett C. The Cultural Turn: Fashion or Progress in Human Geography // *Antipode*. 1998. Vol. 30, № 4. P. 379–394; Albet A., Kramsch O. Space, Inequality and Difference: ‘Radical Turns’ and ‘Cultural Turns’ // *European Planning Studies*. 1999. Vol. 7, № 1. P. 77–79; Simonsen K. Difference in Human Geography – Traveling through Anglo-Saxon and Scandinavian Discourses // *European Planning Studies*. 1999. Vol. 7, № 1. P. 9–24; Gregory K.J. Changing the nature of physical geography // *Fennia*. 2001. Vol. 179, № 1. P. 9–19.

³ Lees L. Rematerializing Geography: The ‘New’ Urban Geography // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26, № 1. P. 101–112.

⁴ Митин И.И. Культурная, гуманистическая и гуманитарная география через призму мифогеографии // *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах*. Вып. 5; отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. С. 87–110.

⁵ Hartshorne R. The nature of geography. A critical survey of current thought in the light of the past // *Annals of the Association of American Geographers*. 1939. Vol. 29, № 3. P. 173–645.

⁶ Sauer C.O. The morphology of landscape // *Publications in geography*. Berkeley, University of California. 1925. Vol. 2, № 2. P. 19–53.

веческого поведения, принятия решений, сделав их таким образом более адекватными действительности⁷; значит, изменилось содержание исследований, но не метод. В основе поисков бихевиористов – строгие закономерные зависимости концептов «в голове» и поведения, образов, схем и действий.⁸ Логической реакцией на такую поведенческую географию становится призыв к большему вниманию собственно к человеку, нерациональному и не познаваемому в моделях⁹, что и приводит к становлению гуманистической географии (см. ниже).

Вторая тенденция – более эволюционная и тесно связанная с культурной географией; это общее последовательное обращение географии к *гуманитарным вопросам* – особенностям географического знания, роли воображения в географии.¹⁰ Ключевая роль здесь, по нашему мнению, принадлежит К. Райту, предложившему ещё в 1947 г. термин «*геософия*», которым он предлагал обозначать «исследования географического знания с любой точки зрения»¹¹, апеллируя, в том числе, и к переосмыслению понимания чувства места Д. Уиттлси¹². Райт подчёркивает:

«Это верно, что субъективные идеи могут объективно изучаться до определённого момента, и геософия, конечно, не есть поле приложения строгих аналитических методов, возможных в физике или физической географии. ... Помогая нам понять, как научная география

⁷ Downs R.M. Geographic space perception: past approaches and future prospects // *Progress in geography*. 1970. Vol. 2. P. 65–108.

⁸ Характерные примеры являют собой знаменитые труды К. Линча (см.: Линч К. *Образ города* / Перев. с англ. В.Л. Глазычева; сост. и ред. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982) и Дж. Голда (см.: Голд Дж. *Психология и география: Основы поведенческой географии*. М.: Прогресс, 1990), большинство статей сборника *Восприятие и поведение в окружающей среде (Environmental perception and behavior* / Ed. by D. Lowenthal. Chicago, 1967), а более подробный обзор представлен в статьях: Bunting T.E., Guelke L. Behavioral and perception geography: A critical appraisal // *Annals of the Association of American Geographers*. 1979. Vol. 69, № 3. P. 448–462; Костинский Г.Д. Вопросы поведения человека и восприятия среды в зарубежной географии (обзор) // *Известия АН СССР. Сер. геогр.* 1976. № 5. С. 142–148; Тархов С.А. Новые направления исследований в англо-американской географии человека // *Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований*: Матер. Всесоюзной теоретич. конф. М.: ИГ АН СССР, 1984. С. 72–81.

⁹ Bunting, Guelke, op. cit.; Tuan Y.-F. Attitudes toward environment: Themes and approaches // D. Lowenthal (eds.) *Environmental perception and behavior*. Chicago, 1967. P. 4–17.

¹⁰ Sauer, op. cit.; Lowenthal D. Geography, experience and imagination: Towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51, № 3. P. 241–260; Wright J.K. Terrae incognitae: The place of the imagination in geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1947. Vol. 37, № 1. P. 1–15.

¹¹ Wright, op. cit., p. 12.

¹² Whittlesey D. The horizon of geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1945. Vol. 35, № 1. P. 1–36.

соотносится с историко-культурными условиями, в которых она создаётся, геософия сделает кругозор научной географии шире».¹³

Первая тенденция показывает, почему в гуманистической географии акцент смещается от моделирования к пониманию, попытке проникновения в глубинную суть мышления и сознания, вторая же обосновывает широкий круг применения полученных географических знаний о человеке. Две указанные тенденции Г.Д. Костинский считает двумя подходами к поведенческой географии, что также отражает суть дифференциации исследований.¹⁴ В объяснении же становления гуманистической географии Д.В. Николаенко склоняется к опоре на вторую тенденцию, считая основоположниками гуманистической географии как раз К. Зауэра и Дж. Райта.¹⁵ На наш взгляд, возникновение в 1970-е гг. гуманистической географии явилось результатом *обеих* тенденций, и именно эта двойственность и делала гуманистическую географию *продуктивной* в течение нескольких десятилетий уже после формального окончания эпохи «гуманизации» в географии.

Второй процесс связан с трансформацией *культурной географии*. Развитие культурной географии в 1940–1980-е гг. было весьма заметным¹⁶; в результате поле культурной географии стало весьма широким и вместе с тем отчасти размытым. В отношении трансформации культурной географии показательна эволюция понятия «культурный ландшафт». Традиция этого понятия восходит к Зауэру.¹⁷ *Новая культурная география* критикует подходы Зауэра и его школы за то, что они «фокусировали свои исследования на материальных артефактах, создавая любопытный и фундаментальный “объектный фетишизм” из домов, сараев, заборов и заправок станций»¹⁸. Для К. Зауэра ландшафт – это, действительно, прежде всего «территория, характеризующаяся специфической взаимосвязью природных и культурных форм»¹⁹. Тем не менее уже Зауэр отмечает, что «все составляющие культурного ландшафта

¹³ Wright, *op. cit.*, p. 12.

¹⁴ Костинский, указ. соч.

¹⁵ Николаенко Д.В. *Джон Райт и Карл Зауэр как основоположники гуманистической географии Запада*. Симферополь, 1982. Деп. ВИНТИ № 5991-82.

¹⁶ Gritzner C.F. The scope of cultural geography // *Journal of geography*. 1966. Vol. 65, № 1, P. 4–11; Norton W. Cultural analysis in geography: A course outline // *Journal of geography*. 1981. Vol. 80, № 1. P. 46–51; Norton W. The meaning of culture in cultural geography: An appraisal // *Journal of geography*. 1984. Vol. 83, № 4. P. 145–148; Mikesell M.W. Tradition and innovation in cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1978. Vol. 68, № 1. P. 1–16; Zelinsky W. *The Cultural Geography of the United States*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1973.

¹⁷ Sauer, *op. cit.*

¹⁸ Price M., Lewis M. The reinvention of cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1993. Vol. 83, № 1. P. 3.

¹⁹ *Словарь общегеографических терминов* / Перев. с англ. В.Я. Барласа [и др.]. Т. II. М.: Прогресс, 1976. С. 60.

отбираются самим исследователем»²⁰. Именно этот аспект культурного ландшафта – его представление через осмысление, означивание, символизацию – и становится впоследствии ключевым элементом трансформации этого важнейшего понятия культурной географии.²¹ Л. Роунтри и М. Конки рассматривают культурный ландшафт как «информацию, сохранённую в символической форме, ... <которая> отчасти функционирует как нарратив»²². Символы становятся динамическими структурами, «регулирующими механизмами, которые упорядочивают и контролируют потоки информации»²³.

Таким образом, «символические качества ландшафтов – те, что создают социальные значения, – оказываются в фокусе исследований»²⁴. Такой подход видоизменяет не только собственно понимание культурного ландшафта, но и понимание *места* вообще – и открывает, прежде всего, пути исследований «конструирования места», поскольку

«ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека, могут исследоваться через множество источников и плоскостей: в картинах на холсте, в текстах на бумаге, образах в кино, так же, как и на земной поверхности»²⁵.

В результате в культурной географии возникает понимание «ландшафта как текста», который можно «читать», при этом в основе метафоры «ландшафт как текст» лежит понимание текста как совокупности знаков и значений.²⁶

Наконец, третий процесс, составляющий основу «культурного поворота», – развитие самой *гуманистической географии*.

²⁰ *Словарь общегеографических терминов*, с 61.

²¹ Robertson I., Richards P. (eds.) *Studying Cultural Landscapes*. London: Arnold Publishers, 2003; Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and cultural landscape // *Annals of the Association of American Geographers*. 1980. Vol. 70, № 4. P. 459–474.

²² Rowntree, Conkey, op. cit., p. 461.

²³ Ibid., p. 460.

²⁴ Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // *Area*. 1987. Vol. 19, № 2, P. 96.

²⁵ Daniels S., Cosgrove D. Introduction: The iconography of landscape // S. Daniels, D. Cosgrove (eds.) *The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments*. Cambridge, 1988, P. 8.

²⁶ Demeritt D. The nature of metaphors in cultural geography and environmental history // *Progress in human geography*. 1994. Vol. 18, № 2. P. 163–185; Meinig D.W. (eds.) *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*. New York – Oxford: Oxford University Press, 1979; Rowntree L.B. Cultural/humanistic geography // *Progress in human geography*. 1986. Vol. 10, № 4. P. 580–586; Rowntree L.B. Orthodoxy and new directions: cultural/humanistic geography // *Progress in human geography*. 1988. Vol. 12, № 4. P. 575–586; Price, Lewis, op. cit.; Tuan Y.-F. Perceptual and cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93, № 4. P. 878–881.

«Гуманистическая география достигает понимания мира человека путём изучения отношений человека и природы, географического поведения людей и их чувств и идей в отношении пространства и места».

Так сформулировал суть гуманистической географии один из её основателей И-Фу Туан.²⁷ В центре внимания гуманистической географии – люди, а ключи к познанию – «человеческий опыт, понимание и знание»²⁸. Важнейшим во всей гуманистической географии является понятие *опыта (experience)*, что неоднократно подчёркивается.²⁹ Особое значение уделяется концепции «*топофилии*», которая предполагает изучение территории как объекта привязанности и любви человека; в фокусе «топофильных» исследований – связь между человеком и пространством на *эмоциональном* уровне.³⁰ При этом трактовки гуманистической географии различаются³¹; отчасти это связано с обращением тех или иных аспектов изучения гуманистической географии к феноменологии³², герменевтике³³, постмодернизму³⁴, кооперации с марксистской³⁵ и, шире, «критической географией» в целом³⁶.

Интерпретативный подход герменевтики к месту и становление идей символического наполнения культурного ландшафта находят развитие в гуманистической географии в специфическом понимании *места*.³⁷ Определение места изначально вводится через визуальность: это та совокупность объектов, которая охватывается

²⁷ Tuan Y.-F. Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66, № 2. P. 266.

²⁸ Ibid.

²⁹ Tuan Y.-F. *Space and Place. The Perspective of Experience*. 9th ed. Minneapolis/L.: University of Minnesota Press, 2002.

³⁰ Tuan Y.-F. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes and values*. Morningside ed., with new preface by the author. N.Y.: Columbia University Press, 1990.

³¹ Entrikin J.N. Humanism, naturalism and geographical thought // *Geographical analysis*. 1985. Vol. 17, № 3. P. 243–247; Hall R. Teaching humanistic geography // *Australian geographer*. 1978. Vol. 14, № 1. P. 7–14; Hasson S. Humanistic geography from the perspective of Martin Buber's philosophy // *Professional geographer*. 1984. Vol. 36, № 1. P. 11–18.

³² Buttner A. Grasping the dynamism of lifeworld // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66, № 2. P. 277–292.

³³ Mürgerauer R. Concerning regional geography as a hermeneutical discipline // *Geographische Zeitschrift*. 1981. Jg. 69, Heft 1. S. 57–67.

³⁴ Curry M. Postmodernism, language and the strains of modernism // *Annals of the Association of American Geographers*. 1991. Vol. 81, № 2. P. 210–228.

³⁵ Cosgrove, Jackson, op. cit.

³⁶ Gregory D. Human agency and human geography // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. 1981. Vol. 6, № 1. P. 1–18; Ley D. Rediscovering man's place // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. 1982. Vol. 7, № 1. P. 248–253; Pile S. Human agency and geography revisited: a critique of 'new models' of the self // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. 1993. Vol. 18, № 1. P. 122–139.

³⁷ Entrikin J.N. *The betweenness of place. Towards a geography of modernity*. Houndmills – L.: MacMillan Education Ltd., 1991.

нашим вниманием.³⁸ Однако важнейшее достижение гуманистической географии (впрочем, коренящееся в более ранних эпистемологических исследованиях) – расширение материального понятия места:

«Место имеет историю и значение. Место воплощает в себе опыт и устремления людей. Место – это не только единица, объясняемая в поле содержащего её пространства, это также и реальность, объясняемая и понимаемая с позиции людей, которые и наделили его значением».³⁹

С этой точки зрения место предстаёт через *дух места, чувство места и личность (personality) места*.⁴⁰ Чувство места «принадлежит» людям.⁴¹ Чувство места происходит из визуального и эстетического переживания мест и опыта и выражает собой *знание*. Места, по И-Фу Туану, непременно *очеловечены*.⁴² «Пространство трансформируется в место, как только получает определение и значение»⁴³, – это, пожалуй, ключевая мысль И-Фу Туана: *место конструируется*.

«Главный концепт здесь – это “значение”; и в самом деле, “место” может быть переосмыслено как нечто, пробуждающееся к существованию через человека и наделение локальности значением».⁴⁴

Значит, *место конструируется человеком посредством означивания*: «Создать (*to make*) место значит окружить локальность человеческим значением»⁴⁵.

Воображение пространства: за пределами географии?

В географической науке тема воображения пространства стала, пожалуй, главным индикатором прогрессирующего (а затем, видимо, и деградирующего) «культурного поворота». Впервые она была поднята, по всей видимости, К. Райтом в его статье о *геософии*⁴⁶. Воображение, по Райту, возникло в географии из концепта «терра инкогнита» и, следовательно, являет собой давнего спутника географов. При этом К. Райт чётко разграничивает восприятие и географические образы как память о реальном объекте, с одной стороны, и воображение и продуцируемые им «чудесные» образы – с другой.

³⁸ Tuan Y.-F. (2002), op. cit., p. 262.

³⁹ Tuan T.-F. Space and place: humanistic perspective // *Progress in geography*. 1974. Vol. 6. P. 213.

⁴⁰ Ibid., p. 234.

⁴¹ Ibid., p. 235.

⁴² Tuan (2002), op. cit., p. 178.

⁴³ Ibid., p. 136.

⁴⁴ Jeans D.N. Some literary examples of humanistic descriptions of place // *Australian geographer*. 1979. Vol. 14, № 4. P. 207–208.

⁴⁵ Jeans, op. cit., p. 209.

⁴⁶ Wright, op. cit.

«В отличие от ментальных образов, которые мы восстанавливаем в памяти, например, вспоминая однажды увиденные пейзажи, воображаемые концепты – это, главным образом, новое видение, новое творение»⁴⁷.

Д. Лоуэнталь в уже упоминавшейся выше статье 1961 года замечает, что в общую картину мира входят пространства, конструируемые людьми, никогда не бывавшими в их реальных прототипах.⁴⁸

«Каждый образ мира составлен из личного опыта, научения, воображения и памяти. Места, в которых мы живём или бывали; миры, о которых мы читали или знакомые нам из изобразительного искусства; продукты воображения и фантазии – всё это создаёт наши образы природы и человечества».⁴⁹

Однако уже у Д. Лоуэнталя мы находим ставший стандартным для географии приём изучения образов пространства – через его восприятие к пониманию поведения человека в нём.⁵⁰ Созданная в 1960–1970-е гг. на Западе *география восприятия* стала признанной самостоятельной дисциплиной, чего нельзя сказать о *географии воображения*. Отчасти это связано с чёткими *закономерностями* восприятия пространства, немалую роль в установлении которых сыграла книга К. Линча *Образ города*⁵¹, в которой сделан упор на *визуальных* компонентах мысленного представления о городе⁵². Размышляя об упоминавшейся выше статье Лоуэнталя, уже в 2000-е И-Фу Туан замечает, что *восприятие пространства зависит и от опыта, и от воображения*.⁵³ При этом акцент в географических исследованиях воображения оказывается смещённым от *места* к *субъекту* (воображающему, воспринимающему, действующему), причём, как правило, к группе или социально-этнической общности.⁵⁴ Это связано также и с работами Д. Харви, одного из перво-

⁴⁷ Wright, op. cit., p. 5.

⁴⁸ Lowenthal, op. cit., p. 248.

⁴⁹ Ibid., p. 260.

⁵⁰ Wood L.J. Perception studies in geography // *Transactions of The Institute of British Geographers*. 1970. Vol. 50. P. 129–142.

⁵¹ Линч, указ. соч.

⁵² Голд, указ. соч., с. 117

⁵³ Tuan (2003), op. cit., p. 880.

⁵⁴ См., напр.: Bivand R. Imaginative geographies: spaces beyond the horizons? // *European space, Baltic space, Polish space*. Part 2. Warsaw, 1997. P. 213–220; Castree N. Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies // *Environment and Planning A*. 2001. Vol. 33. P. 1519–1525; Dora V.D. The rhetoric of nostalgia: postcolonial Alexandria between uncanny memories and global geographies // *Cultural Geographies*. 2006. Vol. 13, № 2. P. 207–238; Felgenhauer T., Mihm M., Schlottmann A. The Making of Mitteldeutschland: On the function of implicit and explicit symbolic features for implementing regions and regional identity // *Geografiska Annaler. Series B: Human geography*. 2005. Vol. 87, № 1. P. 45–60; Fenton J. Space, chance, time: walking backwards through the hours on the left and right banks of Paris // *Cultural Geographies*. 2005. Vol. 12, № 4. P. 412–428; Price M. The Venezuelan Andes and the geographical

проходцев географии воображения, «соединившего» воображение с поведением в социальном понимании городского пространства.⁵⁵ Другое дело, что порой субъект выступает только выразителем, ретранслятором образа самого места – но выраженного, прежде всего, художественным языком в искусстве.⁵⁶ Непосредственная связь самого места и его воображаемого образа, продуцируемого субъектом, зачастую оказывается *разорванной*.⁵⁷ В итоге, уже в 1970-е гг. возникают трактовки воображения пространства, перемещающие акценты именно к субъекту. Так, Д. Харви определяет географическое воображение как «форму пространственного сознания, позволяющую индивидууму понять роль пространства и места в его/её жизни и увидеть события и собственный опыт через призму географии»⁵⁸.

Своеобразный «мостик» между «объектным» и «субъектным» акцентами в определении воображения пространства перекидывает герменевтическая трактовка. Так, согласно Д. Мэсси, географическое воображение – это «способ понимания географической реальности и нашей репрезентации её самим себе и другим людям»⁵⁹. Географические трактовки воображения пространства, нашедшие наибольшее развитие в географии туризма⁶⁰, не являются единственными. Воображаемые географии, выросшие из исследований восприятия и, в наибольшей степени, из изучения *ментальных карт*⁶¹, вырвались за пределы географии. В результате, сегодня принято считать, что родоначальником воображаемой географии был Эдвард Саид⁶². Воображаемое в отношении простран-

imagination // *Geographical Review*. 1996. Vol. 86, № 3. P. 334–359; Rycroft S. Mapping underground London: the cultural politics of nature, technology and humanity // *Cultural Geographies*. 2003. Vol. 10, № 1. P. 84–111

⁵⁵ Harvey D. *Social justice and the city*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1973. P. 27.

⁵⁶ Reid B. 'A profound edge': Performative negotiations of Belfast // *Cultural geographies*. 2005. Vol. 12, № 4. P. 485–506.

⁵⁷ Chang T.C., Lim S.I. Geographical imaginations of 'New Asia – Singapore' // *Geografiska Annaler. Series B: Human geography*. 2004. Vol. 86, № 3. P. 165–185; Rofe M.W. From 'Problem city' to 'Promise city': Gentrification and the revitalisation of Newcastle // *Australian Geographical Studies*. 2004. Vol. 42, № 2. P. 193–206.

⁵⁸ Harvey, op. cit., p. 24.

⁵⁹ Massey D. 'Imagining the world' // J. Allen, D. Massey (eds.) *Geographical Worlds*. Oxford, 1995. P. 41.

⁶⁰ См.: Митин И.И., Сересова У.И. Алексин: воображение пространства города // *Россия: воображение пространства/пространство воображения*; отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин, И.И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 179–217.

⁶¹ Tuan Y.-F. Images and mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. 1975. Vol. 65, № 2. P. 205–213; Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 52.

⁶² Said E.W. *Orientalism*. L. – Henley, 1978.

ства раскрывается не как особый факт *выхода* из воображения, прежде всего индивидуального, и не как особый атрибут каждого места в отдельности – а через различия в *пространственных стереотипах культур, сообществ, социальных групп*.

В этой связи необходимо обратить внимание на различия *социологического и географического воображения*.⁶³ Д. Грегори, автор одной из немногих книг о географическом воображении⁶⁴, отмечает, что старался объединить концепцию «географического воображения» Харви, упоминавшуюся выше, и «социологическое воображение» Ч. Миллса⁶⁵, послужившее отправной точкой гуманитарного изучения воображения⁶⁶. Последнее, в развитие идей Миллса, было определено П. Штомпкой как «вытекающая из признания разнообразия и множественности социальных установлений способность связать любое событие в обществе со структурным, культурным и историческим контекстами, а также с индивидуальными и коллективными действиями членов общества»⁶⁷. Все «субъектные» трактовки воображения пространства, таким образом, приближают таковое именно к социологическому воображению. П. Штомпка недаром называет формирование социологического воображения целью профессионального образования социолога – оно формирует через самосознание человека «объёмное» видение общества. Подобное же видение, но уже пространства и его частей формируется географическим воображением, т. е. *воображением пространства*, посредством которого последнее и *превращается в места, наделённые человеческими значениями* (см. выше).

Какое пространство?..

Наконец, мы подошли вплотную к *точке соприкосновения* двух «поворотов», к точке, в которой встречаются социально-гуманитарные и критическо-географические науки. Уже говоря выше *о двух воображениях*, нельзя не усмотреть связи воображаемого пространства, как оно было понято в географии, с *социальным пространством*. Именно таким образом обращается физическое пространство, как только в нём конструируются места, т. е. оно наделается социальными значениями. В то же время известные концепции социального пространства рассматривают данный процесс принципиально «с другой стороны».

В рамках *социальных наук* пространство определяется как «система координат для материальных аспектов социальных

⁶³ Harvey D. The sociological and geographical imaginations // *International journal of politics, culture & society*. 2005. Vol. 18, № 3–4. P. 211–255.

⁶⁴ Gregory D. *Geographical imaginations*. Cambridge, MA – Oxford: Blackwell, 1994.

⁶⁵ Миллс Ч.Р. *Социологическое воображение* / Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.

⁶⁶ Gregory, op. cit., p. 176.

⁶⁷ Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // *Социологический журнал*. 2001. № 1.

действий»⁶⁸. Отсюда ясно, что с этой точки зрения «социальное пространство не состоит из набора вещей, из суммы фактов ... не сводится к форме, приданной явлениям, вещам, физической материальности»⁶⁹. Физическое («природное») пространство может после этого рассматриваться как «исходный материал, поле деятельности производительных сил различных обществ, создававших своё пространство»⁷⁰, а может – и вовсе как *проекция социального пространства*. По Бурдые,

«физическое пространство есть проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии... объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений»⁷¹.

В обоих случаях получается, что «пространство может быть понято только через обращение к субъектному, интенциональному, рефлексивному действию»⁷².

В данном случае отличие от субъектной интерпретации географического воображения состоит в «переворачивании» одного и того же процесса «производства мест». *С географической точки зрения элементы материального пространства обретают социальные значения и становятся местами, в то время как с социологической – это социальные отношения проецируются на материальную реальность и отражаются в физическом пространстве*. Это различие, на наш взгляд, есть следствие того самого схождения в одной точке двух разнонаправленных революционных «поворотов» из двух обширных областей знания.

Нас интересует – в любом случае – сопоставление свойств реально наблюдаемого (физического, материального, географического) пространства и «пространства значений» (пространства *мест*, социального пространства, воображаемого пространства). Однако в рамках *постмодернистской критической теории пространства* наша постановка вопроса ставится под сомнение.⁷³ Так, согласно Э. Содже, «модернистская пространственность ... основана на двоичной конструкции пространства, включающей реальное и воображаемое пространство»⁷⁴. Эту двоичность Лефевр

⁶⁸ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1, № 2. С. 32–33.

⁶⁹ Лефевр А. Производство пространства // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2, № 3. С. 27.

⁷⁰ Там же, с. 29.

⁷¹ Бурдые П. *Социология социального пространства*. М.; СПб., 2005. С. 53.

⁷² Вахштайн В.С. К проблеме темпоральных механизмов социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // *Социологическое обозрение*. 2003. Т. 3, № 3. С. 75.

⁷³ Soja E. *Thirdspace*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996.

⁷⁴ Allen R.L. The social-spatial making and marking of 'Us': Towards a critical postmodern spatial theory of difference and community // *Social Identities*.

называет «двойной иллюзией»⁷⁵. Так *воображаемое пространство отделяется от социального*:

«Пространства – не реальные и не воображаемые, они всегда «реальные-и-воображаемые» и даже больше. Что-то большее – это третье пространство (*thirdspace*) (предполагается, что реальное пространство – это первое пространство, воображаемое – второе), служащее не просто прагматическим синтезом реального и воображаемого, но и пространством Другого, триалектически – а не диалектически – взаимосвязанным и взаимозависимым с «реальным-и-воображаемым». Для Соджи и Лефевра третье пространство служит для «реального-и-воображаемого» социальным пространством. ... Третье пространство, не рассматриваемое в модернистском пространственном дискурсе, есть интерреактивный и интерзависимый аспект социального пространства».⁷⁶

При этом «воображаемое (оно же – ментальное, концептуальное, субъективное), реальное (оно же – физическое, материальное, объективное) и социальное (оно же – семиотическое, идеологическое или пространство отношений) пространства взаимодействуют и взаимно зависимы одно от другого»⁷⁷. Здесь нам важно обратить внимание вот на что: как появилось третье пространство? Очевидно, из недостаточности «первого» и «второго» для изучения/понимания, скажем так, социальной реальности. Получается, именно акцент на *соотношении* реального и воображаемого пространств фактически привёл Э. Соджу и А. Лефевра к необходимости конституирования нового – *третьего* – пространства, объединяющего при этом первые два.

Так «культурный поворот» привёл географию к изучению соотношения «первого» и «второго» пространств, к тому же самому соотношению привёл и социальные науки «пространственный поворот». Рассмотрение этого соотношения *с разных сторон* (и, разумеется, с противоположных методологических и философских позиций) привело в обоих случаях к необходимости конституирования *нового*, другого, «третьего» пространства. В его изучении уже не будет – насколько мы можем судить – ни географии, ни социологии, а будет какая-то «третья» наука (или, наоборот, бесконечное множество новых научных школ и течений). При этом с точки зрения *истории* географической науки «культурный поворот» привёл таковую как дисциплину скорее, в строгом смысле, к *деградации*, размыванию методологических междисциплинарных границ. Будет ли такой же эффект у «пространственного поворота», видимо, выяснится уже очень скоро.

1999. Vol. 5, № 3. P. 253.

⁷⁵ Lefebvre H. *The production of space*. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

⁷⁶ Allen, op. cit., p. 257.

⁷⁷ Ibid., p. 258.